

У Королевы, судя по «Дневнику» Кардинала, был выкидыш из-за того, что ей поставили горчичник. До того, как она забеременела Людовиком XIV, Король спал с ней очень редко. Это называлось «класть подушку», ибо обычно Королева себе ее не кладла. Когда Королю сообщили, что Королева беременна, он сказал: «Должно быть, это еще с той ночи». Из-за каждого пустяка он принимал подкрепляющее, и ему часто пускали кровь; это никак не улучшало его здоровья. Я забыл сказать, что лейб-медик Короля Эруар написал о нем несколько томов — его историю со дня рождения до осады Ларошеля,¹² — где только и читаешь, в котором часу Король пробудился, позавтракал, плюнул, ходил по малой и большой нужде и т. д.*

В начале царствования Король был довольно жизнерадостен и недурно развлекался с г-ном де Бассомпьером. Порою Король говорил довольно забавные вещи. Сын Себастьяна Заме, погибший при Монтобана в чине бригадного генерала (в те времена это был высокий чин), держал при себе Лаверня (ставшего впоследствии воспитателем герцога де Бресе), который интересовался архитектурой и кое-что в ней понимал. Этот Заме был человеком весьма степсным и всегда отвечивал чинные поклоны. Король говорил, что когда Заме отвечает свои поклоны, ему так и кажется, будто позади стоит Лавернь и измеряет их своим аршином. Это он написал песенку:

Посейте смятно кокетства,
И пышно рогаги взойдут.

Баррада

Король страстно любил молодого Баррада; его обвиняли, будто он предавался с ним всяческим мерзостям. Баррада был хорошо сложен. Итальянцы говорили: *La bugerra ha passato i monti, passerá ancora il concilio*.¹³

Преследуя финансистов, Королева-мать была особенно беспощадна к Бомарше из-за его зятя, маршала де Витри. Чтобы спасти его, задумали сосватать дочь другого его зятя, м-ль де Ла-Вьевиль, за Баррада, дав за нею восемьсот тысяч ливров. Короля это весьма порадовало. «Но, — сказал он, — уж надобно тогда дать круглую сумму, пусть будет миллион». Баррада рассказал об этом какому-то болтуну; кардинал де Ришелье, который не хотел, чтобы Ла-Вьевиль получил поддержку, и, быть может, желая угодить Королеве-матери, сказал Королю: «Государь, все это прекрасно, но Бомарше предложил мне (это была ложь) миллион за должность Королевского казначея, которая стоит вдвое больше». Это взбесило Витри и Ла-Вьевиль; сватовство расстроилось. К тому же Бо-

* Маре говорил Королю: «В вашем ремесле есть две вещи, к которым я никак не мог бы привыкнуть». — «Что же это?». — «Есть одному, а . . . в компании».